

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(253.5)

В. П. Шахеров

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

СТАНОВЛЕНИЕ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются процессы развития сибирской экономики в XVIII — первой половине XIX в. В качестве ведущих ее отраслей выделяются внутренняя и внешняя торговля и пушные промыслы. Скупка и торговля мехами способствовали расширению районов промысла и выходу на тихоокеанские просторы. Перенос промыслов на острова Тихого океана и Аляску, а также развитие торговых отношений с Китаем благоприятствовали росту капиталов сибирского купечества. Центральное место в статье уделено становлению банковского дела, месту кредита и внутренних инвестиций в развитии сибирской экономики. Проанализированы различные добанковские кредитные учреждения и деятельность первых городских общественных банков.

Ключевые слова. Банковское дело, Иркутская губерния, кредит, купечество, пушные промыслы, Сибирь, торговля, торговля с Китаем.

V. P. Shakherov

*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation*

THE DEVELOPMENT OF THE CREDIT SYSTEM IN IRKUTSK REGION IN THE 18TH — FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The paper analyses the development of Siberian economy in the 18th — first half of the 19th century.

Domestic and foreign trade together with hunting for fur animals are viewed as its key business sectors. Fur buying up and trade contributed to the extension of hunting areas and the exploration of the Pacific shoreline. The spread of hunting to the Pacific islands and Alaska as well as the development of trade relations with China helped Siberian merchants accumulate great fortunes. The paper is mainly devoted to the emergence of banking services as well as the role of credit and domestic investment in the development of Siberian economy. The author analyzes various pre-bank credit organizations and the work of first city public banks.

Keywords. Siberia, Irkutsk region, hunting animals for fur, trade, trade with China, merchants, credit, banking.

Процесс формирования экономического пространства Азиатской России носил многогранный характер, связанный как с общим вектором хозяйственного развития империи, так и с региональными особенностями. В силу узости регионального рынка, огромных расстояний и неразвитых путей сообщения, колониальной политики коронной власти сибирские предприниматели были отрезаны от российского рынка, да и в самой Сибири не всегда могли конкурировать с торговцами из Европейской России. В результате у них оставался единственный путь — промысловое освоение новых богатых пушниной территорий и выход на внешние рынки сопредельных государств. Раннее развитие внутренней и международной торговли в Сибири, ориентированной на азиатский рынок, способствовало быстрой товаризации пушного промысла.

В начале XVIII в. в Сибири преобладала каравано-развозная торговля. Съезды торговых людей происходили почти каждый месяц, но наиболее крупных размеров они достигали осенью, когда через Иркутск транзитом шли купеческие обозы в Кяхту. Следует отметить, что при огромных сибирских расстояниях весь внутренний торг представлял собой постоянное движение товаров от более крупных рынков и ярмарок к

мелким торжкам и базарам. К этому необходимо добавить транзитный характер российско-китайской торговли, при котором шло постоянное встречное движение из России к югу Восточной Сибири и обратно. Таким образом, как отмечала официальная печать, «наша внутренняя торговля имеет характер временной и кочевой, переносящей с одного места на другое громадные массы товаров и заставляющей наших купцов и их агентов находится в постоянном движении» [3, с. 529].

До середины XVIII в. торговля на ярмарках носила нерегулярный характер и была слабо подконтрольна центральной и местной администрациям. Ярмарки в это время возникали во многом стихийно как центры скупки пушнины у сибирских инородцев для последующего формирования в крупные оптовые партии, направляемые на российский и азиатский рынки. Во второй половине XVIII в. ярмарочная торговля получает распространение по всей России. Городовым Положением 1785 г. предписывалось во всех городах «учреждать ежегодно одну ярмарку или более». Но далеко не каждый город мог стать центром межрегионального обмена, замыкая на себе все хозяйственные операции. Поэтому ключевых, межрегиональных ярмарок в Сибири было не так много. В первую очередь государство стремилось взять под свой контроль основные центры пушного промысла и торговли, которые в этот период сместились в восточные районы Сибири. В августе 1768 г. последовал указ Сената об учреждении в крупнейших центрах Восточной Сибири – Иркутске, Верхнеудинске и Якутске – торговых ярмарок, действующих по определенным правилам и в строго установленном время. Создание же реальных ярмарочных учреждений произошло только в 1775 г., когда в Иркутске открылась первая официальная ярмарка. Обороты ее были весьма значительны. Уже в конце XVIII в. товарооборот достигал 3,7 млн р., что составляло почти 6 % от общероссийского ярмарочного оборота [7, с. 81].

В начале 1830-х гг. в Иркутской губернии действовало уже 34 ярмарки, на которые съезжалось до 15 тыс. торговцев¹. А в середине столетия на территории региона функционировало 93 больших и малых ярмарочных центра. Справедливости ради следует отметить, что некоторые ярмарки существовали только на бумаге. Нередко распоряжения об их открытии, особенно у инородцев, делались наспех, без учета местных условий и традиционных торговых связей. В 1859 г., например, в Восточной Сибири числилось 133 городских и сельских ярмарок, но на 57 (42,9 %) из них торги не производились². Перечень товаров, поступавших на ярмарки Иркутска, позволяет представить себе потребности и вкусы горожан. На первом месте находились ткани и различные изделия из них. Особенно широк был выбор китайских шелковых и хлопчатобумажных тканей. На втором месте в структуре привоза находились металлы и изделия из них для домашнего пользования и в качестве орудий труда. Из продуктов в Иркутск больше всего привозили мед и хмель, сахар и, конечно, различные сорта китайского чая. Иркутяне могли приобрести и товары из Западной Европы — главным образом, некоторые виды тканей, вина, предметы роскоши и сладости. В привозимых товарах заметно преобладали предметы, предназначенные для массового потребления широкими слоями горожан.

Ярмарочная торговля носила сезонный характер, имела временные и пространственные рамки, являясь формой оптовой торговли. Она исключала широкие слои городского населения из непосредственных торговых операций. Основной торг происходил между крупными иногородними и местными предпринимателями. В этих условиях необходимым дополнением к

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 414. Оп. I. Д. 129. Л. 165–174, 178–180 об.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 18. Оп. 4. Д. 418. Л. 38 об.

ним становилась стационарная торговля, обеспечивавшая более продолжительные контакты между продавцом и покупателем.

О степени распространения постоянной торговли свидетельствовало большое количество лавок в ведущих городах Иркутской губернии. В Иркутске уже в конце 1780-х гг. действовало два гостиных двора с 467 лавками, хлебный рынок, где находилось 67 торговых точек, 13 харчевен, мясные и рыбные ряды. Современники справедливо называли город «средоточием всей многообразной Сибирской торговли, через который проходят или провозят разные товары, как следующие из России в Кяхту, в Якутск и в Камчатку, так и отправляемые из многих мест в Москву, на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки лучшие пушные и также разные китайские товары» [11, с. 32]. Губернский центр выступал в роли гигантской перевалочной базы, распределяя партии товаров по обширной территории Восточной Сибири.

Значительное количество лавок гостиных дворов говорило в основном о высокой степени развития оптовой торговли. Большинство из них действовало только в период ярмарок, а в остальное время пустовали или использовались под складские помещения. Розничная же торговля велась на торговых рынках и в рядах, а также в лавках под домами. С 1767 г. когда горожане получили право открывать лавки при своих домах, их численность быстро растет. По данным А. Мартоса, в Иркутске в 1820-х гг. при домах числилось 108 лавок, 18 погребов, 13 шкафов. Кроме них, 30 лавок находилось в мясном ряду, 26 – в рыбном, на мелочном рынке – 35 лавок, 24 шкафа, 110 балаганов, 96 столов [9, с. 152].

На фоне постепенного сокращения торговли из лавок и складов гостиных дворов заметнее выступает роль магазинной торговли, специализирующейся на определенных группах товаров, что увеличивает воз-

возможность выбора для горожан, содействует формированию потребительского спроса. В 1843 г. в губернском центре действовало 177 торговых лавок, 247 кладовых лавок и магазинов, 230 столов, шкафов и балаганов, 16 лавок при домах, 6 ренсковых погребов, 1 ресторация, 2 харчевки, 70 постоянных и доходных дворов. Всего 749 торговых точек. Но и это было еще не все: в перечень не попали трактирные заведения, лавки мясного и рыбного рядов. Кроме того, в статистику практически не включалась разносная торговля, продажа товаров с лодок и возов. Так, по данным за 1857 г., в Иркутске около 170 человек занимались мелочной и развозной торговлей¹.

В середине XIX в. количество торговых заведений Иркутска превышало показатели Тобольска, Томска и Тюмени вместе взятых. Из насчитывавшихся в городах Иркутской губернии в середине XIX в. более чем полутора тысяч мест стационарной торговли почти половина находилась в губернском центре. В среднем приходилось по одной лавке на 20 горожан. Более высокой степени коммерческого сервиса не было ни в одном другом сибирском городе. Да и в России подобных торговых городов было не так много.

Основным товаром, с которым выходило сибирское купечество на внешний рынок и на российские ярмарки, была пушнина. Скупщики и агенты купцов собирали ее в кочевьях инородцев, по местным торжкам и ярмаркам, а затем перепродавали представителям крупных оптовиков. Оказавшийся в августе 1787 г. в Иркутске американец Дж. Ледиард, со слов иркутских купцов, записал, что в разных частях Америки находится до 2 тысяч русских промышленников. Он же отзывался о них как «об очень интересных и смелых людях». «Некоторые из них, — писал Ледиард, — побывали до этого в устье Енисея, другие — в устье Лены

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664. Л. 40.

или на Колыме. Едва ли найдется такое место на севере или востоке, где бы не был кто-либо из них» [1, с. 183].

В русско-китайской торговле участвовало до 40 иркутских предпринимателей, некоторые из которых переселились в Кяхту и составили костяк тамошнего купечества. Иркутское купечество было основным поставщиком пушнины на китайский рынок. В сентябре-октябре 1822 г. в Кяхту было доставлено около 1,3 млн белок, из которых 80 % принадлежало иркутским купцам Медведниковым (471 тыс.), Трапезниковым (271 тыс.), Сибирияковым (329 тыс.).¹

Внутренняя торговля Сибири носила многоуровневый характер. Различные формы торговли не подавляли, а дополняли друг друга, формируя единый хозяйственный комплекс. Несмотря на важность и масштабы разнообразных ярмарок, охватывающих все экономическое пространство Сибири системой торговых цепочек от города к сельским поселениям, в первой половине XIX в. все заметнее становится роль стационарной торговли, лучше отвечающей повседневному потребительскому спросу городского населения.

В результате торгово-промышленного освоения новых ресурсов на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана происходило формирование иркутского купечества. Даже те, кто не записался в иркутский посад, десятилетиями числились иногородними гостями, имели здесь конторы, складские помещения, жилые дома. В итоге, в Иркутске сформировалось самое активное, предприимчивое, образованное купечество. С середины XVIII в. Иркутск становится основной базой промышленного освоения Русской Америки. Здесь формируются купеческие компании, заключаются торговые сделки, набираются команды промышленников и мореходов. По данным иркутской городской думы во второй половине XVIII в.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 183. Оп. I. Д. 84 а. Л. 213–213 об.

среди работников тихоокеанских промыслов было около 200 иркутян¹. В Иркутске почти постоянно проживали устюжские купцы И. Бахов и Н. Шалауров, курский И. Голиков, рыльский Г. Шелихов, якутский П. Лебедев-Ласточкин и другие «колумбы Росские». Иркутское купечество не менее успешно вкладывало капитал в создание промысловых компаний на Тихом океане и реализацию привезенных из Америки мехов на российском и китайском рынках. На всю Сибирь гремели имена купцов – промышленников И. Бечевина, Н. Трапезникова, позднее М. В. Сибирякова, Н. П. Мыльников, Ф. Я. Дудоровского, братьев Киселевых и др. Вместе с предпринимателями из других российских и сибирских городов они открыли и освоили острова Командорские, Алеутские, Прибылова, а также побережье и острова залива Аляска. Далеко не случайно иркутяне сыграли ведущую роль в создании Российско-Американской компании.

Особенностью экономического пространства Сибири было его активное проникновение на рынки сопредельных государств. В течение XVII–XVIII вв. в Сибири была сформирована южная пограничная линия, составляющая несколько тысяч верст, практически не охраняемой, «прозрачной» границы с Китаем, Монголией, казахстанской Степью. Сибирь не только играла роль посредника между Россией и азиатскими странами, но и благодаря своему соседству имела возможность включиться в международную торговлю. Тем более что постоянное расширение русских территорий в южном и восточном направлениях создавало условия для развития сибирского рынка вширь.

Тихоокеанские промыслы и торговля с Китаем привлекали в Иркутск многих предприимчивых людей из разных мест России, надеявшихся на быструю удачу и приобретение капиталов. Условия формиро-

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 1189. Л. 3-8 об.

вания и деятельности купечества Сибири заметно отличались от ситуации в Европейской России. Сибирь не знала крепостного права и помещичьего землевладения. Не играло здесь такой значительной роли, как в центре страны, дворянское предпринимательство, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством и определяло его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов. Доля купечества Иркутской губернии была неизменно выше среднесибирской, иногда значительно. Так, в 1816 г. на 100 мещан здесь приходилось 7,3 купца, что в два с лишним раза превышало среднесибирский уровень. Если на долю региона приходилось всего 0,5 % населения страны, то удельный вес купечества здесь достигал почти 3 % от общероссийского. Основная их масса была сосредоточена в Иркутске. Уже в XVIII в. Иркутск по количеству купечества превосходил все другие сибирские города. В первой половине XIX в. здесь проживало более 60 % всех восточносибирских купцов [5, с. 72].

К концу XVIII в. сибирское купечество превратилось в ведущую силу городского общества и значительно выделялось из общей массы российского купечества, которое радикально меняется только во второй половине XIX в. после отмены крепостного права. Так, характеризуя иркутское общество начала XIX в., исследователи отмечали, что здесь «господствовала монополия купеческая, эксплуатация буржуазная, хотя еще и самая патриархальная». Несмотря на значительную социальную мобильность и колебания численности купечество играло ведущую роль в формировании сибирской буржуазии. О сибирском купечестве с большим уважением отзывались многие современники. Так, известный экономист Г. Пейзен отмечал, что «купечество здешнее по своим умственным понятиям, сметливости, стоит несравненно выше купечества Европейской России» [10, с. 20].

Несмотря на заметный рост торгово-предпринимательской деятельности в Сибири ее масштабы сдерживалось общим недостатком капиталов в крае. В России очень медленно формировалась система кредита, направленная в основном на поддержку привилегированных слоев населения и дворянского предпринимательства. В этих условиях приходилось пользоваться услугами частного кредита. Необходимость обращения к дополнительному кредитованию вызывалась отсутствием свободного капитала даже у крупнейшего купечества. Как правило, все наличные деньги вкладывались в финансирование промыслов или торговых операций. В качестве кредиторов выступали, прежде всего, сами купцы. Клиентура их складывалась из торговцев более низкого ранга, торгующих мещан и крестьян. Так, огромный для своего времени капитал иркутского купца первой гильдии Н. П. Мыльникова более чем наполовину состоял «в долгах за разными людьми» по векселям. Нередко купцы выступали одновременно и как кредиторы, и как векселедатели.

Иногда в роли типичных ростовщиков выступали представители местной администрации и дворяне, превращая свои накопления в капитал и эксплуатируя его путем получения процентов. В начале XIX в., например, иркутский купец П. Солдатов взял кредит в 5 тыс. рублей у гражданского губернатора А. Толстых. Кроме него брали в долг крупные суммы, торговавшие в Иркутске курский купец А. Полевой — 12 тыс. р. у надворной советницы Штевенговой и сольвычегодский С. Пьянков — 3,3 тыс. р. у губернского секретаря Боброва¹. В основном ссудный капитал вкладывался в торговые операции. Использование кредита для расширения или заведения промышленного производства встречалось эпизодически. Можно отметить лишь Я. П. Солдатова, широко использовавшего частный

¹ ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 15. Л. 91об. – 93об.

кредит и государственное финансирование для создания комбинированного производства на базе Тальцинской стекольной фабрики в начале XIX в.

Первое кредитное учреждение в Сибири появляется во второй половине XVIII в., но еще в ряде наказов от сибирских городов в Комиссию об Уложении содержались предложения об учреждении казенных банков. Так, в наказ от жителей Барнаульского завода была включена просьба об открытии банка с оборотом в 50 тыс. р. на 10–15 лет, а томские купцы ходатайствовали об учреждении казенного банка под присмотром местного магистрата также с небольшим уставным капиталом в 30 тыс. р.

Развитие торгово-промысловых операций сдерживалось малым обращением серебряной и медной монеты в Сибири. Монета в России в начале XVIII в. чеканилась в Санкт-Петербурге и Москве, а с 1735 г. на Екатеринбургском монетном дворе. Перевозка медных денег в Сибирь обходилась так дорого, что выгоднее было чеканить монету на месте, тем более что демидовские предприятия Кольванского горного округа на базе алтайских месторождений полиметаллических руд бесперебойно поставляли медь на монетные дворы России, но ее транспортировка была еще более дорогостоящей, чем перевозка монет. Отказаться же от выплавки меди на Алтае было нельзя, так как в полиметаллических рудах, плавившихся на серебро, содержалось значительное количество меди. В результате родилась идея чеканить из нее монету на месте.

По указу Екатерины II от 7 ноября 1763 г. для чекана сибирских монет утверждалась самостоятельная 25-рублевая (из пуда меди чеканилось 25 рублей) монетная стопа с повышенным содержанием в меди драгоценных металлов и определялось шесть номиналов монет: 10, 5, 2 и 1 копейка, а также деньга и полушка, с использованием на одной из сторон вензеля императрицы, а на другой — фрагментов герба Сибирской

губернии, границами которой формально и ограничивалось хождение монет. 19 октября 1764 г. Сибирская губерния была переименована в Сибирское царство с правом чеканить собственную монету с гербом Сибири. Царство было подразделено на Тобольское и Иркутское генерал-губернаторства и простиралось от города Тары на реке Иртыш (Омская область) до Камчатки.

Однако появление своей монеты в Сибири не смогло решить задач заметного роста ее экономики. Более того, при всей, казалось бы, позитивной роли введения сибирской монеты, ее чеканка имела для Сибири негативные последствия. Эта монета могла обращаться только в пределах Сибири и не принималась к платежу в Европейской России. Купцы, привозившие товары в Сибирь, отказывались брать сибирскую монету, в результате она скапливалась у местного населения, обесценивалась, порождая инфляционные процессы. Этому способствовало также и то, что все платежи из казны и царского Кабинета производились медной монетой, а сбор податей и повинностей в казну государства — серебром. В целом практика чеканки сибирской монеты обернулась серьезным расстройством региональной экономики и отрицательно сказалась на накоплении капитала частных предпринимателей [12, с. 11].

В 1768 г. в России был учрежден Ассигнационный банк, который создавался прежде всего для покрытия военных расходов на начавшуюся Русско-турецкую войну. Уже в начале 1769 г. банк выпускает первые ассигнации, однако до окраин Российской империи бумажные деньги доходили медленно, при размене ассигнаций нередко ощущался дефицит золотой, серебряной и медной монеты, который зачастую создавался искусственно. Это приводило к вымыванию монеты из обращения. Особенно нехватка денежной массы чувствовалась в провинции, где ассигнации разменивались с трудом. Губернские канцелярии, на которые

была возложена данная операция, с этой задачей не справлялись.

Для внедрения ассигнаций и обмена их на монеты в стране стали открывать «променные конторы». К 1783 г. их насчитывалось уже 23. Помимо размена денежной массы банковские конторы должны были изымать поддельные и ветхие ассигнации, обменивая их на медную монету. В 1776 г. была учреждена банковская контора в Тобольске с капиталом в 1 млн р. Спустя три года подобная контора была открыта в Иркутске. Ей было выделено 500 тыс. р., но поступило только 355,5 тыс. р. [4, с. 70]. Указ об открытии Иркутской конторы, подписанный Екатериной II 30 апреля 1779 г., гласил: «учредив ассигнационные Банки в пользу Империи, распространять сие установление заведением банковских контор в прочих Российской империи городах для удовольствия частных людей медною монетою за представляемые ими ассигнации, а напоследок и знатная часть Сибирского края тем же самым воспользовалась; но дабы и отдаленнейшая того края часть, то есть: Иркутская губерния, приняла равное участие, и для тамошних жителей открыты были способы к удобнейшим обращениям и обменам ассигнаций». Учрежденная «банковская контора» была размещена в специально арендованном для этих целей каменном особняке крупнейшего иркутского купца М. А. Сибирякова.

В соответствии со штатным расписанием, утвержденным в 1772 г., в каждую из променных контор определялось по 12 чиновников и служащих. В подчинение директора с чином 8 класса статской службы или обер-офицерского звания входили товарищ (заместитель), камерир (бухгалтер), комиссар (кассир), канцелярист, 2 писца, 4 счетчика и сторож [4, с. 69]. Директором Тобольской конторы был определен надворный советник Ф. М. Готовцов, возглавлявший до этого Петербургский ассигнационный банк. Новое

назначение он воспринял как понижение в должности и уже в 1779 г. ушел в отставку. При его преемнике секунд-майоре П. Г. Невельском в конторе начались «сомнительные» операции, незаконные ростовщические операции и другие злоупотребления. Для региональных контор было вообще характерно слабое обращение капиталов, вмешательство губернских властей, раздача казенных средств под небольшие проценты и без залогов. Так, сенатор Г. Р. Державин застал в Тамбовской конторе многочисленные нарушения учета и хранения денежных средств, когда «суммы более 150 000 рублей валялись вовсе без записки, из коих, носился слух, раздаваны вице-губернатором займы казенные деньги без процентов и без залогов — кому хотел» [2, с. 109].

Иркутской конторе повезло больше. Ее возглавил известный ученый — натуралист А. М. Карамышев. Он находился в этой должности до закрытия конторы в 1789 г., с небольшим лишь перерывом в 1780–1781 гг., когда временно исправлял должность начальника Нерчинских горных заводов. А. М. Карамышев после окончания Московского университета изучал естественные науки и химию у известных шведских ученых К. Линнея и Ю. Валлериуса в Упсальском университете, где и защитил в 1766 г. диссертацию о сибирских растениях. Научной работой он продолжал заниматься и в Иркутске, собрав большую коллекцию минералов и растений. Он был членом Вольного экономического общества и ряда европейских научных обществ, имел звание корреспондента Стокгольмской академии наук и члена корреспондента Российской императорской Академии наук.

В Иркутске Карамышев активно участвовал в развитии научных и литературных интересов, был одним из инициаторов открытия первой в провинциальной России публичной библиотеки и музейного кабинета при ней. В 1790 г. после закрытия иркутской конторы

Карамышева перевели в Горную по Кольвано-Воскресенским заводам экспедицию Кабинета ее Величества.

Сибирские «променные конторы» получили наибольшее количество средств, в то время как остальные имели не более 200 тыс. р. Надо признать, что появление этих учреждений оказалось несколько преждевременным. Сибирское купечество не обладало еще достаточным капиталом и не могло осуществлять кредитные операции в больших размерах. В Петербурге посчитали, что значительные объемы пушной торговли в Сибири способствовали привлечению сюда больших объемов денежных средств. Однако власти не учли, что огромные сибирские расстояния, бездорожье, традиции заставляли сибирское купечество торговать по старинке, обменивая товары на ту же пушнину. В результате обменные операции сибирских банковских контор были незначительны, а сами они убыточны для казны. Денежные суммы использовались в ростовщических целях, либо взаимобразно использовались властями на другие цели. Так, в 1786 г. иркутская казенная палата взяла «взаимобразно» из местной банковской конторы 69 тыс. р. для закупки провианта для Нерчинских заводов [4, с. 70]. Огромные для Сибири запасы медной монеты оказались попросту невостребованными. Так, после закрытия Тобольской конторы в ней оставалось около 760 тыс. р. на треть «сибирской чеканки», на две трети — общероссийской, которые «лежат там с некоторого времени праздно». Чтобы вывезти этот монетный фонд в Россию требовались значительные суммы, поэтому он еще долго без движения оставался в Тобольске.

В итоге, просуществовав всего десять лет, Иркутская банковская контора была ликвидирована вместе с Тобольской в 1786 г. «из-за малого обращения капиталов». Кроме них занимались кредитованием приказы общественного призрения, учрежденные в 1775 г. Законом было предписано отпускать на их нужды по

15 тыс. р. из доходов соответствующих губерний. Кроме пассивных операций приказы общественного призрения вели и активные: выдавали краткосрочные (на 1 год) небольшие ссуды от 500 до 1000 р. купечеству под залог недвижимого имущества. Размеры ссуд составляли от нескольких сот до нескольких тысяч рублей. В 1802 г., например, в течение года было предоставлено 13 кредитов иркутским купцам на общую сумму в 28,3 тыс. р.¹ Наиболее крупные ссуды получили Н. Мыльников и Н. Чупалов — по 5 тыс. р., Н. Баснин и С. Киселев — по 4 тыс. р. В обеспечение ссуд выдавались закладные на дома, торговые и промышленные заведения, акции Российско-Американской компании.

Право заниматься кредитными операциями получали и органы городского самоуправления. В 1809 г. городским думам было разрешено использовать для кредитования купечества часть сборов с их капиталов. Купечество использовало и другие источники. Так, когда после смерти купца Пелопонесова его капитал в размере 16,8 тыс. р. за неимением наследников поступил в ведение иркутского сиротского суда, купечество добилось разрешения использовать его как ссудный капитал. За тридцать с лишним лет только за счет процентов наследство Пелопонесова выросло на 2 тыс. р. и составило к 1823 г. почти 19 тыс. р. Из этой суммы брали ссуды как крупные иркутские купцы К. Сибиряков (5 тыс. р.), Е. Литвинцев (4 тыс. р.), так и многие мелкие торговцы города. Их займы колебались от 70–80 тыс. до 300–500 р.² Необходимо отметить, что все указанные учреждения не являлись специализированными кредитными органами, и кредитные операции занимали весьма скромное место в их деятельности.

Первый российский городской банк появился в Вологде вскоре после выхода в свет Жалованной грамоты городам Екатерины II. Статья 153 этого доку-

¹ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1329. Л. 17–39.

² Там же Д. 2164. Л. 50–51 об.

мента определила, что «из остающихся от городского расхода денег дозволяется городам завести Банки на общих Государственных установлениях, или же в заведенные публичные Банки деньги свои отдавать для приращения». В соответствии с этим, жители Вологды постановили собрать по 50 к. с 1000 р. объявленных купцами капиталов и по 10 к. с души мещан и цеховых, с тем чтобы собранные деньги раздавать в ссуды, а проценты с них употреблять на общественные расходы. Собрав достаточную сумму, дума решила создать для осуществления ссудных операций особый банк, который начал свою деятельность в 1789 г. При этом устав банка не был утвержден в законодательном порядке, и, быть может поэтому, деятельность первого городского банка в России не получила широкой известности [8, с. 27].

Только спустя два десятилетия появился следующий общественный банк, открытый в уездном городке Слободском Вятской губернии. Основателем его стал местный купец Ксенофонт Анфилатов, пожертвовавший в основной капитал банка 25 тыс. р. личных средств, еще три тысячи внесли «некоторые из слободского городского общества». Именно этот банк можно считать родоначальником системы городских кредитных учреждений в стране. Указ о создании банка был подписан Александром I 29 октября 1809 г. Он получил название «Анфилатова» в честь инициатора проекта и автора Устава банка.

Личность К. А. Анфилатова позволяет говорить о нем как о предпринимателе новой формации, сочетавшем в себе смелость, деловую смекалку, осознание общественной пользы и патриотизм. Выходец из крестьян деревни Вагинской Слободского уезда Вятской провинции он в 1780-х годах объявил капитал по первой гильдии, став одним из крупнейших на Севере оптовиков в торговле сельскохозяйственной продукцией. Скупая в осенне-зимний период хлеб, муку, различ-

ные крупы, лен, кожи и другие товары, он вывозил их в Архангельск для последующей отправки за границу. После того, как в 1790 г. был приобретен двухмачтовый корабль «Доброе товарищество», К. Анфилатов получил свободу в коммерческой деятельности и уже не зависел от иностранных посредников во внешней торговле [6, с. 34–35]. Он открыл собственную контору в Архангельске и совместно с партнерами — вологодскими купцами Николаем и Степаном Митрополовыми — задумывался об учреждении такой же конторы в Лондоне. В начале XIX в. К. Анфилатов совместно с тестем, крупнейшим архангелогородским предпринимателем А. Поповым, создал одну из первых в России акционерных компаний — Беломорскую, для китобойного и рыболовного промыслов с правлением в Петербурге, но она, несмотря на государственную поддержку, просуществовала только до 1813 г. Одновременно расширились атлантические проекты предпринимателя, в распоряжении которого было уже пять морских судов. Так, весной 1805 г. он получил разрешение на отправку кораблей с товарами из северной столицы в Константинополь.

Еще более грандиозным стал американский проект К. Анфилатова. «Мое желание, — писал он в декабре 1805 г. министру коммерции Н. П. Румянцеву, — стремиться начать торговлю непосредственно в Северо-Американские области и доставлять туда наши продукты и товары, а напротив того привозить оттоле тамошние произведения на собственных российских кораблях...» [6, с. 227]. Напомним, что в то время все торгово-промысловые интересы России на Американском континенте были связаны только с Аляской, и прямых торговых связей с восточным побережьем США еще не существовало. В навигацию 1806 г. К. Анфилатов отправил в Северную Америку два корабля: первый — «Иоганнес Баптист» — из Архангельска в Нью-Йорк, другой — «Эрц-Энгель Михаель» — из Пе-

тербурга в Бостон [6, с. 81–82]. Из Америки в Россию были доставлены сахарный песок, кофе, какао, шоколад, мускатный орех, перец, сандал, ром, ликер и другие экзотические товары, но самое главное — для страны был открыт новый и перспективный заокеанский рынок. В 1809 г. Анфилатов отправляет в Соединенные Штаты новый торговый караван и серьезно задумывается еще над одним проектом.

Не менее новаторским проектом предпринимателя стало учреждение городского банка. Устав банка Анфилатова предусматривал прием вкладов под проценты и выдачу ссуд «не только под залог недвижимого и движимого имущества, но и под учет векселей». Процент по вкладам и ссудам равнялся шести, причем банк платил «за внесенные капиталы... пять процентов со ста в год, а шестой оставляет в свою пользу...», а с тех, кто брал заем, получал «процентов по 6 на 100 в год при самой выдаче денег». В уставе отдельно оговаривалось, что ссуды выдавались «единственно купцам того города всех трех гильдий, мещанам и цеховым» [6, с. 111]. Благотворительных целей банк не имел. Но в Уставе особенно подчеркивалась его значение, как местного общества, так и государства, ибо «учреждение Городового Банка, служа пособием для Граждан в оборотах по торговле и ремеслах, имеет в себе предметом и государственную пользу» [8, с. 28].

Пример Анфилатова не остался незамеченным и к концу первой половины XIX в. в России открылись еще 16 городских банков. В числе первых оказались и сибирские. Первый частный банк в Сибири появился в Иркутске в 1837 г. при сиропитательном доме Е. Медведниковой. С него и начинается история становления кредитного дела в городе. Его первоначальный капитал составлял 14,3 тыс. р. Цель банка заключалась в возможности получения гражданами Иркутска всех сословий кредита для развития торговых операций. Несмотря на то, что банк назывался частным, он был

по сути своей городским общественным банком, так как контролировался городской думой, а управляли им лица, избираемые городским обществом. Обороты банка быстро росли и к 1870-м гг. составляли около 6,8 млн р. [7, с. 183].

Елизавета Михайловна Медведникова (1787–1828) происходила из семьи иркутского купца средней руки Красногорева. Рано лишившись родителей, она так и не смогла получить образование, воспитывалась у чужих людей и на себе испытала, что значит сиротская доля. В 19 лет вышла замуж за именитого иркутского купца Л. Ф. Медведникова, нажившего крупное состояние на торговле пушниной. В 1814 г. она овдовела и оставшуюся жизнь посвятила воспитанию сыновей Ивана и Логина. Умирая, оставила 70 тыс. р. на устройство в Иркутске первого воспитательного дома для девочек-сирот. По совету иркутского купца и мецената В. Н. Баснина наследники предложили часть средств употребить на основание сиропитательного дома для девочек, а на оставшиеся 15 633 р. учредить банк для финансовой поддержки сиротского дома. Губернские власти поддержали купеческое начинание и обратились по этому вопросу в 1834 г. к министру внутренних дел Д. Н. Блудову, который представил соответствующий проект на рассмотрение Правительствующего Сената. 20 июня 1836 г. император Николай I утвердил это мнение именным указом, а императрица Александра Федоровна дала согласие на свое покровительство над приютом и банком. После исправлений, внесенных Государственным Советом и Александрой Федоровной, «Положение о сиропитательном доме в Иркутске и частном при нем банке» было опубликовано 9 ноября 1836 г. Доходы предполагалось обеспечивать за счет разности между ставками ссуд на торговые обороты под залог имущества «купцам, мещанам и цеховым» (6 %) и вкладов (4 %). Размер капитала банка не оговаривался. Все доходы от его деятельности должны были

направляться на содержание сиропитательного дома. Капитал и документы банка предписывалось хранить в Иркутском окружном казначействе. В 1845 г. высочайшим указом, взамен ранее утвержденного положения, был утвержден Устав сиропитательного дома и банка, при этом количество воспитанниц было увеличено до 60. В дальнейшем Устав неоднократно изменялся высочайшими указами (в 1859, 1863, 1869 и 1873 гг.).

Медведниковский банк был открыт 13 мая 1837 г., а первое в Сибири женское учебное заведение – Сиропитательный дом имени Е. М. Медведниковой – 21 апреля 1838 г. Кроме хозяина, И.Л. Медведникова, являвшегося постоянным членом правления банка, в его состав входили члены, избранные от городского общества на трехлетний срок. В первый состав правления банка вошли родственники учредителя: родной брат – Логин Логинович и двоюродный – Гаврило Прокопьевич, а также «кандидаты по ним», то есть заместители из купечества. В соответствии с Уставом банка его председателями являлись сам основатель, иркутский гражданский губернатор и городской голова. При открытии банка эти должности исправляли действительный статский советник А. Н. Евсевьев и купец первой гильдии Н. П. Трапезников. Вначале банк располагался в деревянном доме И. Л. Медведникова, сгоревшем во время пожара 1879 г. Вскоре после этого для банка было приобретено у купцов Трапезниковых каменное двухэтажное здание на углу Большой и Ивановской.

При Медведниковском банке в июне 1864 г. появилась одна из первых в Сибири частных сберегательных касс, устав которой был утвержден 25 ноября 1863 г. Собственно указ об учреждении в России сберегательных касс «для доставления чрез то недостаточным всякого рода людям средств к сбережению верным и выгодным способом и для приема небольших сумм на сохранение с приращением процентов» появился в

России еще в октябре 1841 г. Но их создание под государственным покровительством затянулось на десятилетия. Государственные сберегательные кассы работали до 1864 г. при Приказах Общественного призрения, а затем были переданы в ведение контор и отделений Государственного банка.

В Медведниковском сиропитательном доме жили 24 девочки-сироты, десять из которых содержались на проценты с капитала общественного банка, а еще 14 человек — на проценты с капиталов, внесенных другими иркутскими купцами. Иркутский общественный банк принимал вклады на срок не менее чем пять лет и с обязательным условием, что 4 процента годовых пойдут на содержание воспитанниц в сиротском доме или же, по решению городской думы, на пособие какому-то бедняку. Детей принимали в возрасте от семи до одиннадцати лет и находились они в приюте до достижения 16 лет. Желających попасть в приют было больше, чем мест, поэтому предпочтение отдавалось круглым сиротам или детям крайне бедных родителей. В учебной программе значились предметы: Закон Божий, чтение и письмо на русском языке, грамматика, четыре правила арифметики и рукоделие.

Основатель банка — купец первой гильдии Иван Логинович — стал крупным золотопромышленником, миллионером, вел оптовую торговлю чаем, поставляя его из Китая. За успешную деятельность получил звание коммерции советника. В 1841–1844 гг. Медведников служил иркутским городским головой. За обширную коммерческую, общественную и благотворительную деятельность был награжден двумя золотыми медалями «За полезное» на Анненской ленте (1836) и «За усердие» на Андреевской ленте (1845), орденами Св. Анны 3-й, Св. Владимира 4-й и Св. Станислава 2-й степени. В 1887 г. городское общество удостоило его звания почетного гражданина г. Иркутска. В конце 1850-х гг. переехал с семьей на постоянное жительство

в Москву, где как крупный коммерсант занял должность в московской конторе Государственного банка. Его супруга Александра, происходившая из рода крупнейших иркутских предпринимателей Сибиряковых, получила известность как одна из крупнейших российских благотворительниц.

Почти одновременно возник городской банк в Томске. Его появление связано с именем коммерции советника, верхотурского 1-й гильдии купца Андрея Попова. После смерти его в 1833 г. согласно завещанию на богоугодные и общественные дела было предназначена значительная сумма в 500 тыс. р. ассигнациями. Душеприказчиками стали племянник, коммерции советник, семипалатинский 1-й гильдии купец Степан Попов и тарский 2-й гильдии купец Евтифий Филимонов. Они и предложили половину оставшейся суммы пустить на устройство института для воспитания дочерей сибирских горных чиновников и «недостаточных» сирот сибирских почетных граждан. А для содержания института было предложено в 1842 г. основать банк с капиталом в 308 тыс. р. ассигнациями (85 715 р. серебром). 7 июля 1843 г. «Положение об общественном Сибирском банке в городе Томске, в пользу Маринского Сибирского института для воспитания девиц» получило высочайшее утверждение [8, с. 29]. «Главнейшей целью» нового учреждения законодатели установили выдачу ссуд «для вспомоществования томским и других сибирских губерний жителям в торговых их оборотах». Из прибылей ежегодно следовало отчислять 2 тыс. р. серебром на содержание 20 стипендий для воспитания «преимущественно сирот гражданских и горных чиновников и почетных граждан Томской губернии», остальные доходы поступали в общий капитал банка.

Управление банком осуществляли городской голова (в качестве директора) и два его товарища, избираемые всем обществом из купцов Томска «известной

честности и знания по торговле». Директора и товарищей обязали ежегодно отчитываться перед думой, представляя для проверки банковские документы. Что же касается внешнего контроля, то банк никому не был подотчетен, а отчеты в Министерство финансов и Ведомство учреждений императрицы Марии должны были посылаться лишь «для сведения правительства о настоящей пользе сего заведения» [8, с. 29].

Кроме приема срочных, бессрочных и вечных вкладов (минимум — 30 р. для организаций и 10 р. — для частных лиц), среди разрешенных операций были учет векселей томских и иногородних купцов под поручительство двух «известных по состоянию в торговле» лиц, ссуды под залог ценных вещей, ценных бумаг государственных и частных компаний, а также застрахованной недвижимости. Для развития сибирской золотопромышленности банку разрешили давать ссуды под квитанции Алтайского горного правления на сданное золото. В результате объемы оборота томского банка быстро росли. К 1853 г. они выросли до 221 тыс., а в 1861 г. достигли 318,1 тыс. р. [8, с. 33].

Таким образом, в создании первых сибирских городских банков преобладала частная инициатива отдельных предпринимателей. При этом можно говорить о благотворительных побуждениях, связанных со стремлением улучшить уровень образования для отдельных социальных или гендерных групп городских жителей. В этих проектах коммерческая составляющая отходила на второй план, а кредитные организации имели своей целью задачи содержания создаваемых социальных учреждений. Но в условиях расширения торгово-промышленных отношений, особенно с началом сибирской золотопромышленности городские банки Сибири способствовали коммерческим интересам предпринимателей и приносили пользу горожанам.

В тоже время, позволить себе создать общественный банк и привлечь кроме частного капитала допол-

нительные средства из городской казны могли только крупные города. В большинстве других в силу их «малокапитальности» особого интереса к развитию общественного кредитования не наблюдалось. Кроме того, создание городских банков было связано с бюрократическими преградами, а подчас и с непоследовательной политикой государства. Примером этого стало Положение 1857 г., составленное как будто специально с целью остановить развитие городских банков. Кроме значительных ограничений по количеству банковских операций Положение ставило общественные банки под жесткий контроль Приказов общественного призрения. Да и сама по себе волокита государственных органов являлась существенной преградой на пути их учреждения.

Ситуация изменилась во второй половине XIX в. В связи с модернизационными процессами в стране и в Сибири актуальной задачей стало привлечение внутренних и внешних инвестиций, дальнейшее развитие кредитных операций. Новое положение о городских банках 1862 г. сделало их более самостоятельными, значительно расширив функции и обороты. В последующие десятилетие наблюдается заметный рост числа городских банков. Кроме изменения государственной политики в этой сфере развитию общественного кредита заметно способствовала активность самих городских управлений и те изменения, которые затронули структуру и экономику городов в связи с реализацией городской реформы 1870 г.

Возраставшая потребность в кредите для торговых и промышленных целей вызвала появление в Иркутске новых банков. В 1860 г. был создан Государственный банк России с целью «обновления торговых оборотов и упорядочения денежной кредитной системы». С 1865 г. его отделение появилось в Иркутске. Именно Государственный банк спас от неизбежного краха «Ленское золотопромышленное товарищество». Он

для начала открыл ему краткосрочный кредит на текущие расходы в размере 6-8 млн р., а затем предоставил долгосрочный кредит в 7 млн р. При этом банк упрочил свое влияние в компании, введя в состав правления своих людей. В 1873 г. в Иркутске появляется отделение Сибирского торгового банка, в 1890-х гг. — филиалы Русско-Китайского и Русско-Азиатского банков. Эти банки специализировались на финансировании внешнеторговых операций с Китаем и Монголией и открыли свои представительства в городе, учитывая его заметную роль в развитии торговых связей с этими странами. И все же размеры банковского кредитования были ограничены, доступ к нему имели немногие, да и носил кредит, как правило, краткосрочный характер.

Список использованной литературы

1. Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость, 1775–1783 / Н. Н. Болховитинов. — М. : Мысль, 1976. — 272 с.
2. Бугров А. В. Очерки по истории казенных банков в России / А. В. Бугров. — М. : КВАН, 2003. — 285 с.
3. Военно-статистический сборник на 1868 год. Вып. 4 : Россия / сост. офицерами Ген.-штаба В. Ф. Де-Ливроном, бар. А. Б. Вревским, Н. Н. Мосоловым [и др.]. — СПб., 1871. — XXXII, 922, 235 с.
4. Вычугжанин А. История банковского дела Тюменской области / А. Вычугжанин, О. Отрадных. — Тюмень : Слово, 2004. — 615 с.
5. География Сибири в начале XXI века: в 6 т. Т. 1 : Историческая география / отв. ред. : Ю. А. Зуляра, В. А. Снытко. — Новосибирск, 2014. — 315, [3] с.
6. Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. Очерк его жизни и деятельности [К столетию Слобод. обществ. Анфилатова банка, 1810–1910] / Г. А. Замятин. — СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. — [2], VI, 275 с.
7. Иркутск в панораме веков : очерки по истории города / под ред. Л. М. Дамешека, А. В. Гимельштейна. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 2002. — 511 с.
8. Кириллов А. К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX- начало XX века) / А. К. Кириллов. — Новосибирск : Офсет, 2003. — 147, [29] с.

9. Мартос А. И. Письма о Восточной Сибири / А. И. Мартос. — М. : Унив. тип., 1827. — 291 с.

10. Пейзен Г. Г. Заметки о производительных силах Восточной Сибири. [Начало ст.] / Г. Г. Пейзен. — СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1858. — 41 с.

11. Семивский Н. В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было всем известно / Н. В. Семивский. — СПб. : Воен. тип. Гл. штаба его Императорского величества, 1817. — [22], 230, 186 с.

12. Старцев А. В. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX вв.) : учеб. пособие / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров ; 2-е изд. — Барнаул : Изд-во «Аз-Бука», 2007. — 214 с.

Информация об авторе

Шахеров Вадим Петрович — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: wodalis@yandex.ru.

Author

Shaherov Vadim Petrovich — D.Sc. in History, Professor, Department of Russian History, Irkutsk State University, 2, Chkalov str., Irkutsk, 664025, Russian Federation, e-mail: wodalis@yandex.ru.

Библиографическое описание статьи

Шахеров В. П. Становление кредитной системы в Иркутской губернии в XVIII — первой половине XIX века / В. П. Шахеров // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 4. — С. 668–694.

Reference to article

Shaherov V. P. The development of the credit system in Irkutsk region in the 18th — first half of the 19th century. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 4, pp. 668–694.